

ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ¹

© 2020 г. Ю. А. Тихомиров

*Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия*

E-mail: utikhomirov@hse.ru

Поступила в редакцию 16.06.2020 г.

После доработки 16.06.2020 г.

Принята к публикации 20.07.2020 г.

В современных условиях правовое сознание приобретает роль динамичного фактора правотворчества и правоприменения. Освоение правового пространства, понимание права как “момента покоя”, его опережающее воздействие на процессы и этапы развития правосознания в связи с социально-экономическими и иными изменениями – характерные черты настоящего момента. Эти особенности предполагают учёт видов правосознания, отражающих общие интересы и интересы разных слоёв общества.

Преодоление пассивности людей, усиление конструктивности их деятельности требуют разработки механизма анализа уровней правосознания. В статье рассматриваются такие векторы развития правосознания, как взаимовлияние, сознание и поведение в национальной правовой сфере, воздействие на правосознание международного и иностранного права, характеризуется роль в этих процессах цифровизации и медиапространства.

Ключевые слова: право, правосознание, поведение, социальные процессы, цифровизация, медиапространство.

DOI: 10.31857/S0869587320120257

Нельзя не заметить тесной связи между правосознанием, нормами и их реализацией в истории. Мыслители анализировали эти зависимости, допуская разные деформации, переходы и т.п. Такой подход обнаруживается в трудах Платона, Аристотеля, русского правоведа М.М. Сперанского. А Р. Иеринг рассматривает правотворче-

ство в праве и сферах регулирования, причём, с его точки зрения, право должно препятствовать борьбе и способствовать миру. Правотворчество развёртывается и вокруг разных правовых положений [1].

В конце XIX – начале XX в. в России разгорелась острая полемика вокруг идеологии и правосознания. Б.А. Кистяковский и ряд других правоведов выступили в защиту права и правосознания, выработывался системный подход к формированию новой власти и правосознания, который на деле означал строгое соблюдение норм революционной законности [2]. Правосознание в советском обществе рассматривалось как отражение передовой идеологии и принципов законности, равноправия и справедливости. Однако перенос на правосознание специфических особенностей общественного строя затруднял углублённое понимание источников и содержание правосознания, правотворчества в развитии [3].

На рубеже 1990-х годов происходит слом государственной и правовой системы страны, на сме-

ТИХОМИРОВ Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего центром публично-правовых исследований ИЗиСПа при Правительстве РФ.

¹ Статья перепечатывается из журнала “Государство и право” (2020. № 3. С. 37–47).

ну социалистической идеологии приходит доктрина верховенства права. В соответствии с ней предпринимались попытки отделить право от государства. В.С. Нерсисянц разработал концепцию правового цивилизма [4], которая ввиду явного приоритета прав и свобод человека получила широкое признание. Но всё же открытым оставался вопрос, исчерпает ли понимание права как “охранителя” другая его функция – регулирования социально-экономических процессов, управления, отражения социальных интересов.

ПРАВОСОЗНАНИЕ: ОТРАЖЕНИЕ ИЛИ ОПЕРЕЖЕНИЕ

Надо сказать, что в научной литературе анализ правосознания не получил должного освещения. При рассмотрении основных типов правопонимания от авторов фундаментального труда на эту тему ускользает правосознание как *движущий источник права*, как импульс его развития. Чрезмерный акцент на нормотворчество приводит к деформации юридического мышления, правосознания и правовой культуры [5]. Авторы – преподаватели Всероссийского государственного университета юстиции – отводят правосознанию и правовой культуре лишь одну главу из 27. В результате все элементы теории права характеризуются как бы вне данного феномена. Некоторым утешением служит попытка включить в число источников права такой его вид, как правовая доктрина [6]. Но её место в структуре правосознания не отражено.

Обстоятельную характеристику правосознания даёт В.Н. Карташов, рассматривая данное явление в правовой системе общества. По его мнению, правосознание – это совокупность идей, теорий, представлений, выражающих оценку людьми юридически значимых явлений, которые служат внутренней детерминантой любой юридической деятельности. Автор соотносит данный феномен с правовой культурой, которую представляет как совершенную систему юридических ценностей, отражающих качественное состояние правовой системы [7]. Думается, такой широкий подход затрудняет выделение специфической природы правосознания как *опосредованного правового мышления*, в то время как юридическая культура выступает, скорее, как ценностно-ориентированное правовое взаимодействие.

На фоне статичных и абсолютизированных характеристик правосознания выделяется книга Ю.К. Погребной, где сложный анализ природы правосознания и методологии исследования неожиданно находит своё воплощение применительно к современному российскому обществу [8]. Но такая абсолютная доминанта не отражает реальной разновидности правосознания, которо-

му присущи общие и специфические черты. Отрадно, знания преодолевается традиционный статичный текстовый анализ [9].

Как же можно определить природу правосознания? Означает ли оно пассивное *отражение* в фокусе права реальных явлений и процессов или обладает свойством *опережать* и создавать правовой образ будущего общества и процессуальных тенденций? Ответ нужно искать, анализируя структуру и динамику современного общества и мирового сообщества, с учётом их противоречивых интересов, динамичных тенденций перемещения людей, товаров и капиталов, развития информационных технологий. Правовое пространство помогает понять конкретную роль права в мире [10], а понимание права как “момента покоя”² и опережающего воздействия – увидеть причины изменения правосознания [11].

Характеристика правосознания предполагает последовательную цепь мыслительных, волевых, эмоциональных и физических действий. Исходные положения здесь – мышление человека как его способность отражать окружающий мир, оценивать явления и определять курс собственного поведения. Мышление как отражает действительность, так и воспроизводит картины будущего реального мира. Юридическое мышление выражает восприятие реальности и воздействие на неё с помощью собственных инструментов – понятий и терминов, правоотношений, норм и др. А правосознание, на мой взгляд, представляет собой своего рода “момент покоя”, когда правовой образ явлений и процессов одновременно служит импульсом будущих правовых решений, действий и иных поведенческих актов.

Итак, правосознание есть *отражающее состояние* понимания роли права в обществе, оценки реальных и возможных правовых явлений, потенциальной способности действовать или тем или иным образом отражать интересы людей, их волю и поведение.

Напомню, что основоположники марксизма рассматривали право как волю господствующих масс, возведённую в закон. Ленин неоднократно напоминал о том правопорядке, когда массы всё знают, обо всём могут судить и на всё идут сознательно. Здесь налицо элементы *преобразующего и действенного правосознания*. Подобная характеристика правосознания требует учёта двух аспектов. Внутренний аспект означает сочетание правосознания с такими явлениями, как язык, эмоции, психофизиологические риски, свойства характера. Внешний аспект – это не только пассивное отражение экономических, социальных и иных процессов и явлений, но и факторов длительного

² Имеется в виду восприятие права как статичного регулятора.

или кратковременного характера. К ним относятся реформы, государственные перевороты, противостояние слоёв и групп общества, позиции государств и действие государственных и общественных институтов. Таковы глубины правосознания.

Язык юриспруденции. Каждая сфера деятельности располагает собственным профессиональным языком. Это самым непосредственным образом относится к юриспруденции. Как известно, юридический язык весьма специфичен ввиду его жёсткой структурированности, императивности, что объясняется необходимостью правильного понимания природы права. Юридический язык служит *внешней формой выражения права*: отражает правопонимание, то есть уяснение природы, цели и смысла правового регулирования. Важнейшее значение имеет юридическая техника как система обязательных правил подготовки, составления и принятия правовых актов. Правовые акты – явления текстовые. А как быть с устными решениями, с установлениями, принимаемыми в виртуальном пространстве, в открытых сетевых структурах?

Юридический язык соприкасается с языком других профессий. Так, в сфере законодательства о здравоохранении используются медицинские понятия, в сфере правового обеспечения роботизации – технические термины, в области экологии и сбережения климата – понятия географических, физических, химических, астрономических и других наук. Здесь речь идёт о сферах *смежного регулирования*.

Не менее важно учитывать использование понятий и терминов других наук – математической, экономической, социологической, психологической. С учётом названных тенденций очевидна причина разрастания специального нормативно-правового массива и его бесконечного дробления, с одной стороны, и неизбежная путаница терминов юридической науки и других наук – с другой. В итоге юридический язык обогащается, раздвигаются его рамки, но одновременно он засоряется. Добавим, что в условиях информатизации и цифровизации происходит кодирование правовых норм в форму машинных и электронных документов и в гибкие режимы онлайн-общения. Пока тут много неясного.

По моему мнению, новый юридический язык – это своеобразное двуязычие, когда сохраняются базовые понятия и термины права (норма, правонарушение, ответственность и т.п.), которые формируются и развиваются в рамках теории права, и одновременно возникает второй слой – специальные языковые обороты, заимствованные из других профессий и наук. Вопрос в том, как профессиональные языки преломляются и отражаются в отраслевом правовом регулирова-

нии. Тут важна гибкая мера, когда нужно использовать “чужие” понятия, придавая им общезначимый смысл, чтобы их можно было использовать в рамках специального регулирования.

Виды правосознания. Долгие годы правосознание рассматривалось как проявление своего рода официального единообразия. Так было в XIX и в начале XX в., когда доминировал принцип “Самодержавие православие, народность”. Так было и в условиях советского государства, когда государственная идеология создавала основу единообразного правосознания. И властям, и учёным-юристам, и практикам казалось достаточным использовать один канал формирования правосознания молчаливого сообщества людей. Но природа правосознания такова, что требуется иное понимание этого феномена – иначе непонятны устойчивые явления “раздвоения” сознания и поведения, формального внешнего соблюдения права.

Сложные, противоречивые социально-экономические процессы по-разному воздействуют на сознание и поведение отдельных граждан, групп и слоёв общества. Многослойное регулирование приводит к дифференциации интересов, мотивов, ценностей и юридических норм, интеллектуальный плюрализм явно повлиял на публичную сферу современности. Возникает настоятельная необходимость в прояснении возникающих в этой связи вопросов.

Многолетнее исследование социально-правовых процессов позволяет говорить о наличии определённых *видов правосознания*. Критериями их выделения служат как характер ориентации, так и взаимовлияние правосознания разных категорий людей и социальных сообществ. По первому критерию можно выделить следующие виды правосознания: нормативы – законы как адекватное отражение действующей правовой системы и законодательства; признание правопорядка; правосознание активно-преобразующее, критическое, конфликтное, подражательное, полнообъёмное и избирательное; правовой нигилизм и отчуждение.

Использование второго критерия позволяет выделять специфику правосознания индивида, с одной стороны, и разных социальных сообществ – с другой. Это могут быть группы людей, объединённых общими интересами, родственными и иными связями, разные слои общества (национальные, профессиональные, социальные и иные). Особое место в этой классификации занимает *национальное правовое сознание*, отражающее государственный суверенитет и устойчивость уклада жизни народа, нации, граждан. И тут встречается немало специального и общего, что становится заметным при изучении особенностей традиционных правовых семей (классифи-

кация Рене Давида) и появлении новых (кочущая правовая семья). Своего рода типизация правового сознания достигается в рамках межгосударственных объединений типа ЕС, ЕАЭС, где объекты целей и способов правового регулирования постепенно формируют черты общего правосознания, хотя и не всегда концентрированно. Например, международно-правовые институты и нормы в широком смысле означают установление *эталона правового сознания* путём выдвижения программных задач для международных институтов.

Исследования позволяют выявить такое явление, как различия правосознания в отдельных отраслях права и законодательства. Причина заключается в разных условиях и темпах развития этих отраслей, а также в недостаточной гибкости сознания специалистов, придерживающихся особенностей своей области. Неслучайно стабильное конституционное сознание отличается от подвижного правосознания в сфере гражданского права с его разнообразием и преобладанием договорных форм регулирования, а также от административно-правового сознания, для которого характерна плюралистическая регулятивность, и от правосознания специалистов в области уголовного права с его “духом наказанности и прощения”. Всё это надо учитывать при формировании правосознания как в сфере правотворчества, так и правоприменения, иначе односторонность может нарушить объективность оценок.

Приведённая классификация видов правосознания отражает, как представляется, реальное многообразие социальных интересов в обществе. При этом человек не остаётся обладателем одного вида правосознания: зачастую на фоне устойчивого восприятия базовых прав он легко переключается с одного вида на другой.

Приведём некоторые примеры. Так, в начале 1990-х годов произошёл отход от единообразного, устанавливаемого государством правосознания, наблюдалось формирование “рыночного” его типа с присущим ему гибким выбором приоритетов экономической деятельности, партнёров и т.п. Государственный элемент правосознания несколько сместился в сторону и лишь постепенно к началу 2000-х годов вновь усилился, чему способствовало и принятие законов в сфере стратегического планирования, промышленной политики, сельского хозяйства, и переход к системной реализации национальных проектов. Но различия в подходах к соотношению публично-правовых и частно-правовых регуляторов в экономике, сочетанию централизации и децентрализации в управлении государственными делами сохраняются.

Науке предстоит решать такие важные проблемы, как обеспечение плюрализма в идеологии,

незыблемости национальных юридических принципов и норм, согласование доктрины верховенства права с традиционной доктриной права как средства реализации политических целей и функций государства. Думается, главное заключается не в доминировании того или иного принципа, а в их согласовании с помощью гибких правовых регуляторов и других социальных регламентов. Таков вектор социальной динамики, требующий выбора правильных решений и действий.

С практической точки зрения весьма полезно учитывать разнообразие представлений разных категорий граждан при подготовке проектов крупных государственных решений и в ходе реализации законов и иных нормативных актов. Это позволит не только более эффективно использовать правовые регуляторы, но и гибко менять компетенции субъектов права и их взаимодействие. Поэтому в рамках юридического образования в области теории права и отраслевых программ необходимо выделять вопросы устойчивости и изменчивости правосознания людей в разных областях их деятельности, укрепляя навыки специалистов по поддержке в обществе правомерного поведения. Подчеркну актуальность междисциплинарного подхода, потребность полнее использовать достижения социологической, психологической, экономической и политической наук, организовывать совместные исследования уровня социального сознания и отношения людей и их объединений к происходящим процессам и явлениям.

Уровни правосознания: стабильность и динамика. Сознание человека отражает объективный мир, с одной стороны, и воссоздаёт его картины — с другой; отмеченные выше векторы правового развития “покой — опережение” находят своё выражение и в уровнях правосознания. Эти уровни отражают своеобразный “момент покоя”, когда можно акцентировать направление и содержание данного явления, своего рода меру интеллектуально-правовой и нормативной упорядоченности. Трудно, однако, более или менее точно определить условия возникновения правового сознания, применить к ним критерии соответствия принципам права, соблюдения законодательства, баланса правомерного и неправомерного поведения. В какой-то мере помогают фактические результаты действия права. Но ещё сложнее выявить специфические показатели уровня правосознания ввиду их некоторой неопределённости и известной неуловимости. К их числу можно отнести:

- достоверную и полную информированность о праве;
- знание принципов и норм права;
- отношение к роли права и его институтов;

- оценку правовых решений;
- реагирование на правонарушения;
- участие в правотворчестве;
- использование средств реализации правовых норм;
- применение средств юридической защиты;
- оценку формулы “de lege ferenda”;
- правовую оценку конфликтных ситуаций.

Использование показателей уровня правового состояния позволяет выделить особенности динамики общественного развития и соответственно условия реализации правосознания. Так, в периоды конституционных преобразований возрастает интерес граждан к закону. Напротив, в периоды депрессий и кризисов интерес к праву ослабевает, и власти прибегают к более жёстким методам регулирования.

Естественно, что уровень правосознания благоприятным образом влияет на устойчивое развитие экономики и социальной сферы, способствует повышению эффективности деятельности публичных органов и должностных лиц. Правосознание пассивно отражает трудности российской жизни, причём разрыв между деятельностью, осуществляемой по мотивам законности, с одной стороны, и целесообразности — с другой, увеличивается.

Яркий пример отрицательной тенденции в этой сфере — коррупция, которая деформирует правосознание ввиду преобладания в поведении граждан и представителей власти корыстных мотивов, разрушающих нравственно-правовые основы общества. Мнимые успехи и выгоды не покрывают и малой доли социального вреда. Преодоление коррупции предполагает акцент на нравственно-интеллектуальную составляющую — формирование в обществе высокого правосознания.

В связи с этим вполне оправдан анализ корреляции между уровнем законности и уровнем развития публичных институтов и поведением людей. В специальном исследовании Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ и Университета прокуратуры РФ показана зависимость между этими показателями [12]. Система позитивных и негативных индикаторов реализации законодательства позволяет целенаправленно влиять на сознание и поведение людей и функционирование социальных институтов [13].

Уровни правосознания в процессе правотворчества нередко проявляются в виде ошибочного противопоставления закону иных правовых актов. В статутных актах низкая правовая культура обнаруживается в слабой регламентации, в принятии правил обслуживания клиентов без указания на их права и ответственность администра-

ции. Такие изъяны в правосознании влекут за собой юридические ошибки, а за ними — плохие результаты деятельности.

В процессе правоприменения слабое знание статусов субъектов права порождает многочисленную компетенционную коррупцию — злоупотребление, вмешательство и ограничение прав. А в сфере контроля и надзора можно наблюдать незнание полномочий проверяющих и ограничение прав проверяемых, нарушение установленных процедур мониторинга. Из этого следует вывод, что высокий уровень правосознания — ключ к принятию правомерных решений и совершению целесообразных юридических действий и как следствие — важный фактор оптимизации государственного управления.

Опыт истории и современности учит необходимости вовремя принимать государственные решения в изменённых условиях. Причём тип правосознания, нередко связанный с политическим сознанием, должен становиться причиной таких изменений. Вспоминается эпизод на международной конференции в Варшаве (1966—1967), когда глава делегации ЧССР представил на суд участников непривычную для социалистических стран концепцию государства и демократии. С нашей стороны реакции, помимо удивления, не последовало. А надо было обратить на это внимание, поскольку в 1968 г. в Чехословакии произошли известные события, на которые последовал не лучший из возможных ответов — ввод войск стран Варшавского Договора.

В начале 1990-х годов во время переговоров делегаций Верховного Совета СССР и Верховного Совета Эстонской ССР последняя внесла предложение о модели территориальных хозрасчётов для проверки новых отношений центра и мест. Я сообщил об этом Председателю Совета национальностей, который предложил ждать очередного Пленума ЦК КПСС по национальному вопросу. Необходимое решение не было принято.

Эти примеры иллюстрируют причинную связь между уровнем информированности в правовой сфере и фактическими решениями и действиями. Другой аспект проблемы отражается в таком явлении как *заданное*, и *подражательное*, сознание. Напомню, что в 1960—1970-х годах научная правовая мысль отошла от узкого понимания управления государственными рисками, стала следовать концепции научного управления обществом. Практическая подготовка государственно-правовых прогнозов в рамках государственной задачи, участие в правовом обеспечении ОАСУ, АСУ и территориальных АСУ потребовали серьёзной работы. Однако в 1990-х годах переход страны к рыночной экономике побудил учёных-юристов переосмыслить концепцию государственного управления. С того момента и до настоящего времени

темы контроля и надзора непропорционально вышли на передний край юридической науки. Лишь постепенно возвращается к жизни стратегия государственного управления в условиях стратегического планирования в стране. Остаётся только сожалеть, что административно-правовая наука потеряла много лет и отстала от решения новых задач, обусловленных реализацией национальных проектов [14].

Сказанное позволяет говорить о большом значении механизма информирования в формировании правосознания. В Советском Союзе обучение основам Конституции в школах и вузах сочеталось с работой широкой сети университетов правовых знаний. В постсоветской России данный вопрос приобрёл государственное значение лишь в последние годы. Стало ясно, что без высокого правосознания нельзя обеспечить качество правотворчества и эффективность правоприменения, а значит, и воздействие права на социально-экономические процессы. Правовая грамотность, повышение правовой компетентности кадров и управление знанием – таков набор средств правового воспитания и образования.

Принципиальное значение для формирования высокого правового сознания имеют утверждённые Президентом РФ 28 апреля 2011 г. № Пр-1168 “Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан”. В этом концептуально-стратегическом документе определён комплекс взаимосвязанных мер в области законодательства, правового информирования в сфере культуры и средств вещания, правового образования, ориентированный на всех граждан и особенно на лиц, занимающих государственные и муниципальные должности, а также на подрастающее поколение. Важно, что знание права и правовое сознание становятся составляющей квалификации всех граждан. Пока же этого нет, и правосознание россиян отстаёт от намеченных целей. Между тем концепция управления знаниями открывает возможности и для юридической науки как инструмента познания окружающего мира [15].

ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ

В ходе исторического развития общественное сознание и правосознание то сохраняло свою неизменность, то менялось эволюционным или революционным путём. Современное мировое общество наряду с традиционными видами правосознания выявило ряд новых его векторов развития, связанных между собой.

Правовое сознание и поведение: динамика взаимодействия. Названный вектор является одним из основных, поскольку связывает, по сути дела, все

элементы правового регулирования и воздействия на происходящие процессы. Однако при всей очевидности данной зависимости её анализу уделяется мало внимания [16]. Между тем именно здесь кроются главные причины эффективности права, поскольку текст нормы права сам по себе – лишь картинка.

Проводя исследование, нужно исходить из природы человека, учитывать его ценности, эмоции и характер. Эти свойства человеческой природы по-разному проявляются в социально-психологических процессах, отражаясь на восприятии права отдельными лицами, социальными группами, семьями, профессиональными и иными сообществами. Тут и конструктивное участие в правотворчестве и правоприменении, тут и критика, протестное отношение и отчуждение, которое нередко нарушает границы формальных статусов.

Все эти темы требуют изучения. Ведь право выступает как защитник, объективный арбитр, средство преобразования общественных отношений, с одной стороны, и как жёсткий регулятор и средство принуждения – с другой. Нормы-принципы дают ориентацию детальности, нормы-стимулы побуждают к высоким стандартам поведения, нормы-ограничения и санкции заставляют сокращать зону непропорционального поведения и расширять законопослушного.

Рассматривая динамику правосознания, нельзя не учитывать влияния на людей других регуляторов. Речь идёт о политических, нравственных, религиозных, профессиональных ценностях и регуляторах, об обычаях и традициях. Зачастую люди мечутся между разными регуляторами, не измеряя их с правосознанием. И здесь нередко кроются причины нарушений законности, критической оценки властей, протестов и иных антиобщественных движений.

Национальное правосознание и зарубежное влияние. В последние десятилетия отчётливо проявилось сильное влияние внешних факторов на развитие государства и умонастроения граждан. Глобализация, научно-технический прогресс, новые информационные технологии открывают государственные границы для внешних воздействий. Это касается в том числе и новых теорий о соотношении национально-правовых и международно-правовых регуляторов. Как это влияет на национальное правосознание?

Наблюдается широкое распространение иностранных правовых теорий, где преобладает юридическая концепция верховенства права. Подчас происходит механическое заимствование иностранных правовых моделей, не всегда соответствующих российским реалиям и образу мыслей россиян. Доктрины разделения властей, дерегулирования, снижения роли государства в эконо-

мике получают преувеличенную оценку учёных и практиков, что нарушает устойчивость национального правосознания.

Легальным отражением таких доктрин стало содержание ч. 4 ст. 15 Конституции РФ о приоритете принципов и норм международных договоров и ст. 79 Конституции РФ³. Поэтому в январе 2020 г. Президент РФ внёс предложение о поправках в Конституцию РФ в этой части. В соответствии с ними соотношение национального и международного права отражает определённые сферы их приоритетов, когда суверенитет государства означает приоритет конституции на его территории, но и взятые государством международные обязательства должны выполняться с учётом их статуса.

Таким образом, можно говорить о разных формах влияния зарубежной правовой сферы на национальное правосознание: во-первых, это признание приоритета конституционного строя в формировании и развитии правосознания; во-вторых, признание необходимости отражения в правосознании оценок и норм, имеющих значение для мирового сообщества; в-третьих, обеспечение роли Конституционного Суда РФ в защите национально-правовых интересов; в-четвёртых, актуализация защиты интересов государства и граждан в условиях информационного противоборства, когда люди всё более подвержены влиянию разноплановой информации.

Правовое сознание испытывает мощное влияние цифровизации и медиапространства. Новые информационные технологии расширяют горизонты сознания, ведь технизация и научно-техническая динамика существенным образом влияют не только на внешние атрибуты деятельности людей, но и на их мышление, поведение. Роботизация и цифровизация требуют ответа на вопросы, связанные с новым статусом человека, характером его взаимодействия с техническими средствами, меняющимися социальными отношениями, возникают новые аспекты принятия решений и ответственности за их выполнение. Научные разработки в данной области позволяют расширить нравственное сознание, преодолевая узкий техницизм [17].

Динамика правосознания в условиях технизации и цифровизации означает постепенное его

изменение с сохранением и возможным обогащением базовых понятий. Очевидное развитие роботизации привело к обращению человека к новым устройствам и мощным специальным техническим системам. Неслучайно были приняты распоряжение Правительства РФ “О цифровой экономике Российской Федерации” и Указ Президента РФ “О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации”. На повестке дня, во-первых, освоение новых реалий и правовых регуляторов, во-вторых, преобразование диалоговых отношений, в-третьих, расширение границ общения человека с новыми технологиями. Это непростые задачи: правосознание должно преодолевать чрезмерное давление технических норм, одновременно формируя готовность работать и жить в информационном обществе, в рамках которого, помимо прочего, расширяются границы свободного времени. Здесь важно не допустить механического копирования иностранных технико-юридических образцов, возникших на более высоком, чем у нас, техническом уровне [18].

Как меняется правосознание. *Медиапространство* — новое явление нашей жизни, когда средству массовой информации, Интернет, социальные сети охватывают, по сути, все страны. Их влияние на людей становится всеохватывающим, и право должно реагировать на новые вызовы. *Правовое пространство* — тоже новое научное понятие, отражающее многослойное и безграничное правовое регулирование в современном мире. Как взаимодействуют и перекликаются медиапространство и правовое пространство?

Медиапространство проникает через государственные границы, делает доступным прямое общение граждан разных стран, каждый становится свидетелем мировых и локальных событий. Оно несёт громадный поток разнообразной информации, мнений и оценок и невольно вовлекает в их орбиту громадные массы людей. Медиапространство становится успешным конкурентом традиционных национально-государственных, социальных и международных институтов.

Это не может не влиять на развитие права, на масштабы и характер правового регулирования. Правовое сознание зачастую формируется уже не в русле конституционного единообразия и норм национального законодательства; оно наполняется иным содержанием, становится плюралистичным и многозначным, как бы отходит от традиционных постулатов. Подобная неоднозначность по-разному влияет на процессы правовотворчества и правоприменения. Возникает своего рода новый юридический язык, который не отождествляется с текстами правовых актов: презумпции, юридические конструкции, с одной стороны, образы права, концентрированные

³ “Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечёт за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации”.

мнения и позиции, устные правовые решения, договорённости в режимах открытых информационных диалогов — с другой. Язык массмедиа и их сообщений всё более вплетается в механизмы регулирования, и правопорядок формируется в немалой степени за счёт *неправовых каналов* воздействия на законопослушное и отклоняющееся от него поведение, на уважение и степень соблюдения Конституции и законодательства. Новые тенденции, отражающие глобальные процессы и вызовы научно-технологического развития, требуют изучения.

В этих условиях традиционное сравнительное правоведение приобретает другой смысл, поскольку в формирование правовых идей, концепций и решений включаются не только юристы, но и неспециалисты. В то же время в структуру национального права проникают принципы и нормы международного права. И в том и в другом случае возникают юридические конфликты и коллизии, которые необходимо разрешать.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иеринг Р. фон.* Борьба за право / Пер. с нем. П.П. Волкова. М.: Изд. К.П. Солдатенкова, тип. Грачёва и К., 1874.
2. Вехи. Интеллигенция в России. Сборник статей 1909–1916 гг. М.: Молодая Гвардия, 1991.
3. Социалистическое право. М.: Юридическая литература, 1973. С. 147–153.
4. *Нерсесянц В.С.* Наш путь к праву: от социализма к цивилизму. М.: Российское право, 1992.
5. Общая теория государства и права. Т. 2. Право. М.: Норма, 2017.
6. Теория государства и права. М.: Yustiti, 2016.
7. *Карташов В.Н.* Теория государства и права. Ярославль: ЯрГУ, 2018.
8. *Погребная Ю.К.* Коллизия современного российского правосознания. М.: Инфра-М, 2018.
9. *Жуков В.И.* Правосознание: философский анализ // Государство и право. 2019. № 11. С. 6–11.
10. Правовое пространство: границы и динамика / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; ИНФРА-М, 2019.
11. *Тихомиров Ю.А.* Юридическое прогнозирование: научно-практическое пособие. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2018.
12. Законность: теория и практика / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Н.В. Субанова. 3-е изд. М.: Контракт, 2017.
13. Эффективность законодательства: вопросы теории и практика / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров, В.П. Емельянцева. М.: ИНФРА-М, 2015.
14. *Тихомиров Ю.А.* Векторы управления в фокусе права // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 1. С. 136–159.
15. Управление знанием в инновационной экономике / Под ред. Б.З. Мильнера. М.: Изд-во “Экономика”, 2009.
16. *Кудрявцев В.Н.* Правовое поведение: норма и патология. М.: Юридическая литература, 1982.
17. Юридическая концепция роботизации / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. М.: Проспект, 2019.
18. *Талапина Э.В.* Цифровая трансформация во Франции: правовые новеллы / Право. № 4. 2019. С. 164–184.